

Симон Кордонский, Александр Павлов

Об истории создания и демонтажа промысловой кооперации в СССР

Симон Гдальевич Кордонский, кандидат философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-8905-3840.

Электронная почта: kordonsky@hse.ru

Александр Борисович Павлов, сам по себе исследователь, Ульяновск, Россия.

Электронная почта: alexandr@asustem.ru

Аннотация

В статье рассматривается этимология и эволюция понятия «промысел». Показан процесс операционализации промысловой деятельности в рамках советской промысловой кооперации, на основе архивных источников подробно рассмотрены особенности организации и функционирования промысловых артелей, а также причины и следствия ликвидации института промысловой кооперации в СССР.

Авторы приходят к выводу, что институализация промысловой деятельности в рамках промкооперации базировалась на глубинных социальных практиках эффективного освоения ресурсов, сложившихся вне рамок государственного регулирования, демонтаж которых при ликвидации института промысловой кооперации не произошло.

Ключевые слова: промыслы, промысловая кооперация, история кооперации

Для цитирования: Кордонский, С. Г., Павлов, А. Б. Об истории создания и демонтажа промысловой кооперации в СССР // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 19–54.

Эволюция понятия «промысел»

Понятие «промысел» имеет свои корни в церковном дискурсе [Плетнева и др., 2009] и могло быть переводом греческих слов *Πρόνοια*, *λογισμός* (в зн. «рассуждение»), *ἐπιθυμία* (в зн. «замысел») в исходном смысле «замысел Бога», «замысел человека», «попечение» [Срезневский, 1893, с. 1546]. Соответственно, «промысленик» (дано в современной транскрипции) определяется как «попечитель, заботник, заступник».

Всяк поганый брат своего не продасть, но кого в нихъ постигнетъ беда, то искупять его и на промыслъ дадутъ ему [Живов, 2009].

Но «с конца XV в. многовековой церковно-книжнический нажим на слово «промысел» стал постепенно утрачивать свою силу под влиянием изменения самого церковного дискурса. Народное употребление этого слова в значении практической человеческой деятельности, делового почина стало быстро преодолевать значения церковного характера» [Вакуров, 1959, с. 4]. Следствием этого стало фактическое признание за светской иерархией возможности реализации собственной воли и собственной мысли (то есть, собственного промысла), которые могут идти вразрез со святоотеческим пониманием божьего промысла.

Премудрого бога промышлением и пречистыя богоматери заступлением и святых чудотворцев промыслом, царь и великий князь... повеле бояром своим строити полки [Софийский Временник, 1820].

Более четкие границы понятие обрело во времена Петра I за счет абсолютизации роли государства. Идея Петра была в том, чтобы не только сделать служение государству всеобщим. По задумке реформатора, на смену всеобщему служению Богу должно прийти столь же всеобщее служение государству, через которое предлагалось понимать реализацию божьей воли [Миронов, 2015].

К моменту введения крепостного права это привело к появлению четкой дихотомии между зависимостью и независимостью от государства, которая приобрела учетный характер через объективацию зависимостей в рамках сословной структуры. Но еще раньше любая деятельность стала определяться через характер зависимостей перед государством. Так была оформлена и базовая понятийная система, закреплённая Соборным уложением: служба, работа (или, изначально, пахота), промысел, т. е. деятельность вне рамок титульной, определяемой принадлежностью к конкретному сословию.

Которыя слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырския и бояр и околничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служб не служат и те все слободы со всеми людьми, которые в тех слободах живут, всех взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно, опричь кабальных людей... [Соборное уложение 1649 года, 1961].

Слишком широкий контекст промыслов заставил провести конкретизацию понятия для целей государственного управления. Этот процесс активно начался еще при Петре I и обрел окончательную форму в екатерининском законодательстве (включая [«Наказ», 1766–1767]). Результатом стало выделение из промыслов в целом двух частных — торгового промысла (торговли) и ремесла. При этом основания выделения в обоих случаях были разные — ремесло было выделено как непосредственная деятельность как таковая (рукоделие) без привязки к результатам труда и источникам ресурсов для него, а торговля — как деятельность по перемещению товаров в пространстве.

Важным итогом этого стало фактическое исключение понятия «промысел» из официального языка законодательства в пользу кодификации деятельности через парадигму рода занятий (профессии, понятие только формировалось) и сословной принадлежности.

Он промыслом носильщик: (*Porte-faix.*) все его имение состоит в большой корзине; днем разносит в ней по комиссии всякую всячину, а ночью спит, как в алькове, на городской площади, под колоннадою (1790) [Карамзин, 1987, с. 279];

В каком-то городе два человека жили, которые промыслом купцами оба были (1782) [Хемницер, 1886, с. 88].

Соответственно, промышленник — это чаще всего не тот, кто живет конкретным видом деятельности (промыслом), а тот, кто промышляет чем-то или как-то, то есть действует с промысловым смыслом и промысловым способом.

У всякого свой промысел, свой способ добычи, умение и средство для жизни, заработков. Всякое ремесло промысел, только воровство не промысл. <...> Ремесла не водит, а промысел держит. <...> Бабы-то промыслы, что неправые помыслы, затеи [Даль, 1882, с. 498].

Именно этой логикой обусловлено появление понятия «промышленность».

Лингвистическая традиция соотносит его с именем Н.М. Карамзина, который в 1791 году в «Письмах русского путешественника» употребил понятие в качестве аналога французского *industrie*.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой земле все возможные удобства жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные; по которой жители всех стран предлагают мне плоды своих трудов, своей промышленности и призывают меня участвовать в своих забавах, в своих весельях... [Карамзин, 1987, с. 93–94].

Смысловое расхождение между понятиями «промыслы» и «промышленность» возникло во время министерской

реформы Александра I в начале XIX века, которая ввела отраслевой принцип управления.

Из промыслов в целом были выделены новые объекты управления, которые и формировали промышленность, согласно Манифесту Александра I: торговля (внутренняя), мануфактуры, горные и соляные добывающие промыслы. Ремесла не считались отдельным типом промысла (в понимании выделенного объекта управления), а внешняя торговля еще на этапе обсуждения Негласным комитетом рассматривалась отдельно от промысловой деятельности как обособленная область получения государственных доходов [Сафонов, 1976].

Созданная структура оказалась крайне жизнестойкой: заложенная в ней онтология в практически неизменном виде наследовалась до 40-х годов XX века, сначала управленческой архитектурой Империи, а затем и СССР через систему наркоматов.

При этом она не могла претендовать ни на всеохватность, ни на наличие самостоятельных коннотаций в реальности, что стало особенно очевидным вскоре после отмены крепостного права, когда промыслы обрели государственную значимость в первую очередь по причине необходимости создания системы их обложения и кодификации¹.

Статистики столкнулись с тем, что губернии относят к понятиям «завод» и «фабрика» самые разные промысловые заведения², вплоть до мельниц и кирпичных ям³, а полное отсутствие любой дифференциации промыслов ввиду «полной неясности этого понятия» заставило на первых этапах развития централизованной статистики и вовсе отказаться от попыток их учета [Лёвин, 2012].

С аналогичной проблемой столкнулись и управленцы Совета торговли и мануфактур [Новиков, 2017]. В результате

¹ В том числе и через определение сословной принадлежности различных промысловиков.

² Внятный учет удалось наладить только в отношении фабрик и заводов, напрямую обложенных акцизом, то есть I категории, информацию по которым предоставлял Департамент неокладных сборов Минфина.

³ Сараи с ямой для обжига сырого кирпича.

при Совете были созданы Комиссия по изучению кустарной промышленности и разнообразные комитеты по торговым и промышленным делам, а также организованы экспедиции министерства государственных имуществ для изучения добывающих (природные ресурсы) промыслов.

Основная проблема, которую решали управленцы, — четко определить место промысловой деятельности в социальной стратификации, что привело к редукции понятия кустарных промыслов до исключительно занятий крестьян, дополнительных к титульному занятию земледелием, а впоследствии к своеобразному пониманию промыслового налога как сбора с нетитульных видов деятельности.

Развитие кооперативных идей

Неоднозначность определения понятий кустарничества, ремесленничества и промыслов вне государственной онтологии подведомственности была постепенно преодолена путем вписывания этих понятий в кооперативную риторику, которая в приложении к промыслам постепенно принимала значение артельного объединения.

Всерьез заговорили об артелях и кооперации в преддверии отмены крепостного права, причем среди интеллигенции. Толчком для этого послужили в первую очередь идеи английского социалиста Роберта Оуэна и теории Шарля Фурье, популяризацией которых на рубеже 60-х годов XIX века занялись Добролюбов, опубликовавший в 1859 году в «Современнике» программную статью «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ», Чернышевский (статья «Капитал и труд», 1860 год), Петрашевский («Оуэнизм»), Герцен и т. д.

Окончательно промыслы перестают восприниматься и описываться вне парадигмы кооперации с начала XX века. Это стало следствием двух основных причин: во-первых, повышенного интереса к мелкой промышленности со стороны государства после революции 1905 года и в рамках столыпинской реформы, а, во-вторых, активного внедрения кооперативного (в основном потребительского и кредитного)

движения на рубеже веков, которое начало обретать стойкую научную и законодательную базу⁴.

Инвестиции, направленные на развитие мелкой промышленности в 1907–1913 годах, выросли в 10 раз: с 1912 года начал работу Московский народный банк, сразу выпустивший акции на миллион рублей, запустилась активная пропаганда кооперативного подхода и со стороны Главного управления землеустройства и земледелия, но при этом массовых успехов в низовой кооперации достигнуто не было — внедряемый институт не только с трудом приживался, но и трактовался функционерами самым разным образом.

Однозначность трактовок оказалась достигнута на фундаменте марксистско-ленинского учения. Для В. И. Ленина и таких видных идеологов советского строя, как Н. И. Бухарин, начиная с 20-х годов XX века был характерен сугубо инструментальный подход к кооперации в целом и к промысловой кооперации в частности. В кооперации они видели в первую очередь инструмент для скорейшего перехода к коллективным хозяйствам и общественному труду. В своей программной статье «О кооперации» Ленин излагает концепцию «единого кооператива» всех трудящихся.

У нас, действительно, «разгосударственная» власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. [Ленин, 1970, с. 370–371].

⁴ Речь в первую очередь идет о создании полноценного типового устава артели, утверждении в 1895 году «Положения об учреждениях мелкого кредита», а также выходом целого ряда работ таких теоретиков кооперативного движения, как Кропоткин, Туган-Барановский, Чаянов и других.

Таким образом, достижение социалистического общества виделось Лениным как результат максимального кооперирования, которое, наряду с электрификацией, должно послужить для целей перехода к крупному производству. Из этого следовало признание кооперации «делом государственно-необходимым», а также отсутствие прямого интереса к изучению и учету объемов кустарно-промысловой деятельности и точному определению этих понятий⁵ [Декрет ВЦИК и Совнарком, с. 583–585]. В рамках кооперативной теории Ленина это оказалось попросту ненужным по причине того, что кооперирование подразумевалось тотальным. Вместе с построением социалистического общества, по задумке реформаторов, должны были исчезнуть и кустари, и промыслы, и мелкая промышленность. НЭП в этой модели виделся Ленину далеко не только компромиссом, но и отработкой кооперативного инструмента преобразования общества.

В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли. <...> В сущности, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов... Разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую, с известной стороны, имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения [Ленин, 1970, с. 370–372].

⁵ Что сильно отличает поздние работы Ленина о кооперации от ранних.

Фактически молодому советскому государству пришлось на время отказаться от реализации кооперативных утопий и вернуться к устоявшимся практикам взаимодействия с промысловиками, которыми пользовалась царская Россия со всеми их недостатками. Помимо реанимации структуры управления, в июле 1921 года был также возобновлен промысловый налог, существовавший в России с середины XIX века.

Этот налог был вызван к жизни в первую очередь невняtnостью самого понятия «промыслы», что исключало установление формальных критериев, необходимых для «рыночного»⁶ обложения. Промысловый налог носил вменяемую «на основании произведенного по ряду внешних признаков расчета вероятного дохода» природу, то есть фактически был платой за право заниматься той или иной деятельностью [Уманский, 2005]. Проблема кодификации деятельности при этом решалась административным способом за счет отнесения тех или иных промыслов к различным ведомствам. То есть критерии обложения задавала исключительно структура государственного аппарата со всеми своими особенностями, что неизбежно приводило к появлению «лакун» в виде некодифицированных занятий и к тому, что огромную долю промыслов учесть не удавалось, хотя об их наличии было от- лично известно.

Ситуацию иллюстрирует диапазон оценок объемов кустарных промыслов. Так, по оценкам генерального комиссара первой всероссийской кустарно-промышленной выставки К.В. Николаевского, кустарными промыслами в России к началу XX века занималось 8–10 миллионов душ, Министерство торговли и промышленности накануне революции оценивало занятость в кустарном производстве в 5–6 миллионов человек, что было в 1,7 раза больше, чем в крупной промышленности [Кашаева, 2007; Лактюнкина, 2003]. При этом промысловых артелей в форме кооперативов, которые и были основным предметом для приложения реформаторской кооперативной риторики, насчитывалось лишь около 1500. Большая часть промысловиков оказывалась вне какой-либо системы инсти-

⁶ Ныне большинство исследователей вопроса признают, что промысловый налог никогда не имел рыночной природы.

туционального оформления, а сбор сведений об их занятиях носил эпизодический характер, причем исходя из характерных ведомственных задач, о чем говорит и широчайшая палитра количественных оценок явления, суть которого так и не была четко сформулирована. Иначе говоря, было лишь понятно, что люди чем-то и как-то «промышляют», и за счет этого как-то выживают, причем «промышлением» занята огромная часть населения.

С аналогичной проблемой столкнулось и советское государство — на заре НЭПа возникла гигантская пропасть между учетом и реальностью. По большому счету, реальные практики выживания населения государству были неизвестны.

Так, в Симбирской губернии, которую можно рассматривать как референтный пример ввиду практически полного отсутствия в ней до революции какой-либо промышленности в её учетном понимании, на момент начала НЭПа более 70% малоземельных крестьян не занимались сельскохозяйственным производством, живя исключительно за счёт промыслов и сдачи своих земельных наделов в аренду. Большая часть таких крестьян не имела и земледельческого инвентаря, а также рабочего скота, что позволило им в дальнейшем успешно избежать раскулачивания [Лактункина, 2003]. Как показано в исследовании Ю.А. Сидоровой, подобный огромный разрыв между учетными данными и реальностью был характерен для всей страны в целом [Сидорова, 2008; 2011].

Реанимация промыслового налога была естественным процессом — это был проверенный временем инструмент, позволяющий обойтись без глубокого погружения в реальные практики с целью изобретения более сложных систем обложения с неизвестным при этом результатом их применения, особенно на фоне риторики Ленина: после массового кооперирования промысловиков сама проблема невнятности феномена и непонятности хозяйственных практик должна была в принципе исчезнуть вместе с самим феноменом — пережитком прошлого [Уманский, 2005].

На этом фоне НЭП, с его практиками «лжекооперативов», псевдоартелей, кустарями-спекулянтами и прочими явлениями, ныне достаточно хорошо описанными, действительно выглядел как временное и вынужденное отступление

государства. Интересно, что и артели в это время рассматривались прежде всего как фискальные единицы учета⁷, а не как отдельное явление [Давыдов, 2011].

Массовое принудительное кооперирование началось с 1926–1927 гг., когда на промыслы обратили пристальное внимание органы власти. На местах стали создаваться кустарно-промышленные союзы [Анисимова, Шабалина, 2004; Ремесленники и ремесленное управление в России, 1916], целями которых являлись снабжение промысловых артелей сырьем, сбыт продукции, финансирование, а также перевод кустарных промыслов на плановую основу и обеспечение их кооперации.

Несмотря на начало этой работы, государство по-прежнему мало знало о том, чем занимается подотчетное население. Это вполне показывает всесоюзная перепись мелкой промышленности 1929 года, что уже связывалось не с пробелами в понимании явления и выстраивании системы учета, а исключительно с «малыми темпами кооперирования» [Сидорова, 2011].

Ряд исследователей на основе изучения регулирующей и регламентирующей деятельность промкооперации документации делают выводы, что уже к началу 1930-х годов промкооперация оказывается полностью «огосударственной», превращаясь в «примитивное подобие фабричной организации» [Пасс, 2014; Сидорова, 2011; Сидорова, 2008].

При таком взгляде на вещи игнорируются важные сущностные нюансы. Во-первых, сам подход подразумевает, что до момента «затягивания гаек» существовала и активно развивалась некая «чистая» низовая промкооперация, наследовавшая утопичные кооперативные идеалы, которая и была уничтожена. Но объёмы сбора промыслового налога явно по-

⁷ В первом издании БСЭ 1930 года среди признаков артельного союза уже указаны только хозяйственное объединение как цель и договорное начало как форма. Никаких упоминаний о равенстве членов, коллективной ответственности и подобных построениях ранних социалистов уже нет. Понятие артели фактически сводится исключительно к форме организации труда в рамках промысла или мелкой промышленности, что парадоксальным образом оказывается гораздо ближе к понятию артели из Устава цехов 1799 года, чем к артельной риторике поздних теоретиков кооперации.

казывают, что это не так — промышленяли в основном в одиночку, а значительная доля кооперативов и артелей была лишь способом мимикрии. Во-вторых, в этом случае в оптику совершенно не попадают некооперированные кустари, которых было большинство, кооперация которых и была главной задачей государства, о чем недвусмысленно говорил Сталин на XVI съезде ВКП(б) в 1930 году в своей речи о классовой борьбе в промышленности, где «частный капитал занимал еще некоторое место». Перевод этой промышленности⁸ на «социалистические рельсы» виделся тогда через массовое кооперирование в первую очередь кустарей-одиночек. То есть правильнее было бы говорить не об огосударствлении существующей «чистой» кооперации⁹, а об ее искусственном создании по правилам и канонам, устанавливаемым государством исходя из собственного понимания целей и задач [Балахонова, 2009].

Важнейшим индикатором этого процесса мы склонны считать показательное «Положение о подоходном налоге с предприятий обобщественного сектора» принятое за несколько месяцев до XVI съезда, в феврале 1930 года. Согласно этому положению, на место классического для царской России промыслового обложения, накладываемого по ресурсному принципу, для обобщественных предприятий пришел налог, имеющий уже финансовую природу. При этом промысловый налог не отменялся и продолжал действовать в отношении некооперированных промысловиков¹⁰. Таким образом подчеркивалась качественная разница¹¹ между кооперированными предприятиями и промысловиками-частниками.

Значимость сохранившегося промыслового налога начала быстро снижаться, и в октябре 1932 года от него были

⁸ Интересно, что здесь слово «промышленность» используется в истинном понимании занятия промыслом.

⁹ Это связано в том числе и с тем, что к концу 20-х годов из системы промкооперации были окончательно вытеснены «старые кооперативные кадры», то есть носители еще дореволюционных утопических идей.

¹⁰ Формально этот налог так и не был отменен до самого момента развала СССР, то есть действовал до 1991 года.

¹¹ В том числе в соответствии с идеями классовой борьбы.

освобождены кустари и ремесленники, не использующие наемный труд, что может говорить о реальной цели сохранения налога, выступающего индикатором успехов проведения обобществления [Дьяченко, 1978]. Об этом прямо говорит и демонтаж за эти два года системы ведомственного распределения промысловых занятий, также унаследованной со времен XIX века.

Впрочем, о всеобщей кооперации промысловиков говорить в этой связи не приходится — ее осуществить в полной мере так и не удалось, что заставило в 1934 году принять новое положение о подоходном налоге, а в 1935–1936 годах принять «Правила регистрации некооперированных кустарей и ремесленников» и положение «Об изменении порядка обложения подоходным налогом некооперированных кустарей и ремесленников», вновь вводящее понятие твердых норм заработка, а затем разработать сложную систему патентных сборов (суть которых вновь мало отличалась от промыслового обложения конца XIX века) с некооперированных кустарей и ремесленников, просуществовавшую до 1960 года.

В результате в 1935 году по стране было учтено и обложено 199 тысяч кустарей-одиночек. Эта цифра снизилась до 46,3 тысяч человек в 1947 году, а к концу 1950-х годов выросла до 150 тысяч. При этом финансовые органы постоянно говорили о неполном выявлении лиц, занятых промыслами [Осипов, 2003].

Таким образом, 1930 год можно считать отправной точкой для продолжавшегося три десятилетия четкого деления государством промысловой активности на два типа: частную (некооперированные кустари и ремесленники) и обобщественную (промысловая кооперация в организационном формате артелей). С первой государство смирялось, а вторую во многом конструировало самостоятельно, хотя и в том, и в другом случае в основе «промышления» лежали одни и те же механизмы, что в полной мере показывает история ликвидации промкооперации вместе с некооперированными кустарями.

Операция «Ликвидация»

Централизованная структура функционирования промысловой кооперации обрела логическую целостность после образования Комиссариата местной промышленности, что в полной мере подчинило кооперацию плану.

Планирование осуществлялось сверху и абсолютно не учитывало возможности кустарных артелей [Сидорова, 2008].

Этому соответствовало ужесточение контроля и диктат идеологической составляющей — артелям вменялось в обязанность предоставлять полноценную отчетность, состав которой мало отличался от отчетности государственных предприятий, внедрять политическое и идеологическое воспитание кустарей, создавать полноценные партийные ячейки. При этом постепенно у промысловой кооперации отнималось и право самостоятельного распоряжения финансами и закупки сырья и оборудования — эти функции передавались созданной (параллельной государственной) вертикали кооперативного управления на основе формальных кооперативных союзов.

По логике «закручивания гаек» все это должно было неизбежно привести к тому, что промартели стали бы неотличимы от государственных предприятий, а их «кооперативность» стала бы сугубо декоративной. Именно этот тезис активно использовался в 1955–1956 годах, когда произошла первая волна национализации крупных промартелей, но по факту оказался не подтвержденным реальной практикой.

В реальности оказалось, что артели промышляли вполне самостоятельно, используя в качестве ресурсов собственную организационную форму (позволяющую придать видимую легитимность существующим промысловым практикам), и выделяемые государством фонды сырья и материалов, и даже ресурс ограничения хозяйственной самостоятельности артелей.

В рамках господствующей идеологии большинство промысловых практик, использующих эти ресурсы, были осуждаемыми и незаконными. Это заставляло государство вспоминать о промкооперации в рамках каждого очередного вала

борьбы с частной хозяйственной деятельностью, ужесточая условия ее существования, что во многом формировало и те ключевые точки этапов выхолаживания сути кооперации, которые выделяются исследователями [Пасс, Рыжий, 2012].

С другой же стороны, такое ужесточение парадоксальным образом приводило к увеличению ресурсной базы для промыслов, что отлично прослеживается в работах, анализирующих борьбу с частной хозяйственной деятельностью в СССР [Осипов, 2003]. Перевод артелей на государственный план в 30-х годах привел к возникновению промыслов по переписыванию ценников и расширению возможностей спекуляции; внедрение централизованных поставок сырья в начале 50-х — к уменьшению издержек за счет его «экономии» на фоне декларируемого острого дефицита; ограничения хозяйственной самостоятельности — к массовому «надомничеству» и так далее.

Материалы партийных и государственных архивов Ульяновской и Самарской областей, а также Республики Татарстан, показывают, что большинство небольших и средних артелей игнорируют отчетность, самостоятельно распоряжаются финансами, активно ведут неучитываемую деятельность, а план исполняют ситуативно — в зависимости от собственных целей и задач. Такая же ситуация была характерна и для всей страны¹². Например, в письме от 1939 года Председатель правления Куйбышевского Облкоопинсоюза Лескин писал:

Несмотря на важность и ответственность указанной отчетности, многие артели крайне не аккуратно высылают их. Не в сроки, небрежно составленные, отступая от указаний «инструкций», нередко срывая нашу отчетность перед Всекоопинснабсбыт и ОблУНХУ, чему нередко способствуют руководители учета, штампуя своей

¹² Региональный аспект рассматриваемого вопроса достаточно активно раскрывался в диссертациях начала XXI века, основанных на материалах Горьковской области, Башкирии, Алтая и так далее. Среди авторов этих работ можно отметить Н. Я. Чуваева, Ю. Т. Никонова, И. Н. Балахонову и других. Массу промысловых практик выявили и описали также авторы ряда трудов по теневой экономике в СССР: Осипов, Осокина, Ефимов и другие.

подписью недоброкачественность сведений в указанных артелях [ГАНИ, ф.2272, оп.1, д.1, л. 71].

К осени того же года большинство надомных артелей области не представило отчетов даже за май, а от общего числа промысловых кооперативов без роста дебиторской задолженности работали единицы, причем на фоне роста «хищений и растрат», которых за девять месяцев 1939 года было выявлено на сумму почти в 55 тысяч рублей, а всего на 146,7 тысяч рублей, что было больше, чем дебиторская задолженность артелей [ГАНИ, ф. 2272, оп. 1, д. 1, с. 150].

Ситуация не менялась и в следующем году. Так, при очередной проверке в марте 1940 года выяснилось, что 13 куйбышевских артелей вообще не предоставили отчетность, а государственный план в целом по области в очередной раз оказался не выполнен, причём на фоне роста «растрат и хищений» [ГАНИ, ф. 2272, оп. 1, д. 1, с. 115].

Несмотря на гигантские по тем временам нарушения, иной ответственности кроме порицания в итоге никто не понес, все ограничилось призывом «с этими ненормальностями и расхлябанностью пора покончить» [ГАНИ, ф. 2272, оп. 1, д.1, л. 170].

Подобная ситуация сложилась повсеместно: артели демонстрировали высокую финансовую состоятельность не благодаря, а вопреки государственному регулированию, демонстрируя эффективность в деле «промышления» на государственных и местных ресурсах [Осипов, 2003].

Источники этого «промышления» были общеизвестны, и особенно развились после 1947–1948 гг. Во-первых, благодаря игнорированию финансовой дисциплины, артели оказывались фактически единственным источником доступных финансовых ресурсов вне системы распределения, чем зачастую активно и пользовались, занимаясь и выдачей ссуд, и прямыми вложениями. Во-вторых, большинство артелей позволяло себе достаточно широкие вольности с планом, выпуская на основе выделенных ресурсов не то, что задекларировано, а то, что найдет спрос. В-третьих, во многих артелях процветало «не изжитое частное предпринимательство», то есть осваивание ресурсов нецелевым образом. В-четвертых,

типичным «нарушением» оказывалось неоприходование остатков материалов на складе, что позволило сформировать «теневые» практики обмена сырьем. Объемы создаваемых подобным способом неучтенных ресурсов стали настолько большими, что в 1954 году Центропромсовет был вынужден ввести требование к обязательному наличию у кооперативов центральных складов¹³.

В качестве комплексного примера приведем результаты ревизии финансово-хозяйственной деятельности артелей Ульяновской области, проведенной за год до ликвидации системы в 1959 году [ГАНИ, ф. 3041, оп. 1, д. 242, л. 3–6]. В результате проверки выяснилось, что в 2/3 обследованных артелей продолжается выдача временных финансовых ссуд, повсеместными оказались случаи неправильного взыскания платы с заказчиков, отмечаются повсеместные случаи завышения стоимости заказов, наличие сверхнормативных запасов сырья и излишков материалов, создаваемых рабочими, недостачу по которым артели перекрывали за счет других материалов. Практически ни в одной артели не соблюдались нормы расхода материалов, обремененными оказались практики искажения отчетности, отгруженные товары проводились через реализацию для завышения рентабельности и так далее. Повсеместно применялась и схема сбыта низкосортной продукции за пределы области, позволяющая избежать бюро товарной экспертизы и формально выполнить план.

Показательной выглядит в этой связи история артели «Торф» Николаевского района, которая изначально занималась добычей торфа и бутового камня, а также производством гончарных изделий. План по этим направлениям хронически не выполнялся. Так, в 1954 году артель получила прибыли лишь

¹³ «Правление Центропромсовета в прошлом году приняло постановление организовать в каждой артели центральный склад, через который производить все операции по приему и отпуску сырья, материалов и готовой продукции. В случае непринятия мер к организации центральных складов в каких-либо артелях до 1 апреля 1955 года в установленном порядке решить вопрос о ликвидации таких артелей, как не имеющих необходимых условий для обеспечения сохранности кооперативной собственности. Этим же Постановлением ввели обеспечение централизованными бланками бух. учета артелей» [ГАНИ, ф.2966, оп.12].

8065 вместо плановых 61500 рублей. Правление артели из года в год жаловалось на отсутствие сбыта бытового камня, на нежелание батраков работать на торфоразработках и так далее, но по факту артель была прибыльной, занимаясь вместо копки болот в основном индпошивом и фотографией (только по индивидуальному пошиву в 1954 году артель получила прибыль в размере 254 000 рублей), развернув в районе точки бытового обслуживания и активно контролируя надомников-швейников и сапожников, вплоть до уровня партийного собрания.

Среди нескольких соответствующих кейсов можно выделить историю жалобы клиентки надомника, формально числящегося в артели, который плохо пошил ей пальто из ее материала без квитанций. Случай разбирало партийное собрание из членов артели, которые повелели надомнику вернуть даме деньги или материал. При этом никаких порицаний за частно-хозяйственный промысел портной не понёс [ГАНИ, ф. 5070, оп. 1].

Задачу по выпуску товаров широкого потребления и бытовому обслуживанию населения, поставленную XX съездом КПСС, артель восприняла с воодушевлением, к апрелю 1956 года ради этого случая переименовывалась в «Зарю» и сосредоточилась на развертывании фотографических точек в районе. При этом план по бытовому камню и торфу с артели не снимался, но эта работа окончательно превратилась в формальность: от промсовета «Заря» отбивалась отписками об отсутствии потребителей на камень и сложностями «на болоте», а швейники артели продолжали фактически работать на себя, занимаясь пошивом без квитанций.

Не лучше ситуация с выполнением плана складывалась и в наиболее распространенных в регионе деревообрабатывающих артелях. Так, артель имени Осипенко Барышского района в ноябре 1958 года выполнила план лишь на 60,6%, постоянно ссылаясь на отсутствие транспорта для вывоза леса [ГАНИ, ф. 338, оп. 12, 13, 14, 15], а артель имени Сталина в феврале 1957 года пониженный план по деревообработке смогла исполнить и вовсе лишь на 50%. Дело с мочалом и дровами не пошло по причине того, что «Член КПСС т. Булгин Н. И, работая начальником деревообрабатывающего цеха артели в с. Потьма, встал на путь систематической пьянки, злоупотребления сво-

им служебным положением. Булгин разбазаривает лес, принадлежащий артели» [ГАНИ, ф. 5277, оп. 3]. Промысел начальника цеха оказался простым — он продавал лес «налево», а выручку в артель не сдавал. Ее приходилось тратить на пьянки с лесодесятником в Комаровке для того, чтобы получить возможность пилить лес. Судя по всему, это считалось нормальным, так как Булгин занимался самостоятельным промыслом вместе со своими односельчанами больше года, пока не учинил пьяный дебош с женой. Впрочем, никаких серьезных санкций кроме партийного порицания Булгин так и не понёс [ГАНИ, ф. 5277, оп. 4, 5]. В артели имени Осипенко причины невыполнения плана оказались похожими: «Тов. Горохов не берется за улучшение работы цеха, часто пьянствует, на производстве бывает мало». Здесь речь шла уже о «растранижении артельного добра», полученного, впрочем, не в виде взносов артельщиков, а по линии облпромсовета, борющегося за исполнение плана.

Не совсем благополучно с выполнением плана дела обстояли и в более крупных артелях, находящихся на хорошем счету. Так, например, крупная артель «Красная звезда» в 1957 году не выполнила план по кондитерским изделиям, хотя общий валовый рост продукции составил 30%. Причина оказалась банальной — вместо конфет «Красная звезда» предпочла производить более ликвидную колбасу, увеличив ее производство почти в три раза относительно плана. Благодаря этому к началу 1959 года на счету артели в госбанке скопилось более одного миллиона рублей [ГАНИ, ф. 2966, оп. 13, 14, 15]. В качестве издержек от такого успеха можно считать уголовное дело, которое в октябре 1958 года завели на снабженца артели Епишина, который в меру сил и возможностей решал вопрос с бензином и автолом для автотранспорта артели. Колбасу надо было развозить по торговым точкам ежедневно, это был дефицит, а фонда «горючки», выделенного Облпромсоветом, для этого не хватало [ГАНИ, ф. 2966, оп. 15].

Епишину пришлось покупать бензин у частного перекупщика Столярова, оформляя покупки актами фиктивной покупки в магазинах Горпромторга, что и было замечено прокуратурой. Партийное собрание артели встало на защиту своего снабженца — члена партии. Отделялись порицаниями

и те артельщики «Красной звезды», которые регулярно торговали сахаром, не докладывая его в продукцию, из-за чего в том числе страдал и план по конфетам: «Качество продукции зависит от честного вкладывания сахара в продукцию. Такие мастера как Гришин не честен, он продает сахар своим же рабочим. Я согласен встать в одну из бригад и добиться такого положения, чтобы как сахар, так и другие продукты были заложены полностью и это обеспечит выпуск лучшей продукции. <...> Надо укрепить бригады более честными мастерами-бригадирами, чтобы сахар не шел на сторону, а шел в продукцию» [там же, оп.13].

Судя по материалам, именно подобные механизмы «промышления» и составили основное содержание деятельности значительной части небольших артелей, в которых, как указывалось, уже не осталось кустарей, имеющих опыт работы в собственных мастерских [Балахонова, 2009]. Иначе говоря, ключевая сущность промысловой системы изменилась — реальной кустарной¹⁴ деятельностью продолжали заниматься по большей части некооперированные кустари, а кустари-«кооператоры» артелей оказывались таковыми только формально, фактически являясь наемными работниками. При этом уже к 1955 году сложилась ситуация, когда в артелях на семь работников приходился один администратор [Петрушев, 1955, с. 12]. Основным содержанием деятельности этого административного персонала зачастую было «прибеднение» с целью уменьшения плана, получения дополнительных ресурсов и сохранения удобного артельного статуса, позволяющего эффективно промышленять. Для этого приходилось применять достаточно хитрые механизмы. Так, упомянутой выше «Красной звезде» после резолюции XX съезда пришлось срочно набирать людей, что привело к тому, что к 1957 году в артельщиках числилось на 46 человек больше, чем было установлено планом. Эти 46 человек оказались инвалидами, что позволило артели сохранить статус инвалидной, который защищал от национализации, добрав долю инвалидов среди членов артели до необходимых 30%.

¹⁴ В советской парадигме — т. е. реализацией собственных трудовых навыков.

Все эти отклонения системе промкооперации по большому счету «прощались» по причине высочайшей финансовой эффективности существующих промысловых практик. В 50-е годы сложилась следующая структура распределения «промысловых» денег: 60% всех денежных поступлений изымались из системы промкооперации в виде налогов, а оставшиеся 40% распределялись по схеме: 48% от них в основной фонд артелей, 20% — в централизованный кооперативный фонд долгосрочного кредитования (ФДК), 6% — на физкультурно-спортивную работу (фактически, этими средствами финансировалось общество «Спартак»), 5% — на улучшение быта, 1% — на премии, а 20% — на распределение среди членов артелей [Пасс, 2012]. При этом все эти средства хранились на централизованных счетах в государственных банках, а их распределение происходило под контролем Минфина и Торгбанка. «Своими» деньгами кооперация могла распоряжаться весьма ограниченно после того, как они попадали на счета. С декларированной уставами ролью хранителя промысловых финансов государство справлялось плохо — средства кооператоров рассматривались им как собственный финансовый ресурс. К 1950 году задолженность государства перед кооперацией достигла нескольких миллиардов рублей — это были средства ФДК, которые оно же (государство) не давало системе расходовать. В реальности этих денег уже не было — они ушли на финансирование крупных государственных проектов. Эту задолженность, мешавшую свести бюджет, в 1951 году решил списать тогдашний министр финансов А.Г. Зверьев, но ему это не удалось.

Аппаратную интригу, расстроившую планы Минфина, удалось проследить уральскому историку Павлу Назарову, который на закате перестройки записал целый ряд интервью с непосредственными участниками событий тех лет, в том числе и с главой тогдашнего Центропромсовета А.Е. Петрушевым. Из его воспоминаний следовало, что Петрушев, посоветовавшись с Микояном, написал жалобу Сталину, в которой обвинил Зверьева в экспроприации кооперативной собственности. Через три дня все трое оказались в кабинете у вождя. Назаров пишет: «Сталин сказал буквально следующее: „Товарищ Петрушев прав: что скажет заграница? Она скажет,

что мы в СССР опять национализируем собственность, только теперь уже не частную, а кооперативную, общественную“. Обращаясь к Зверьеву, Сталин добавил: „Зачем трогать деньги, пусть они по-прежнему числятся за промкооперацией, а вы ими по-прежнему пользуетесь“» [Назаров, 1991].

Таким образом закрепились сложившаяся двойственность. С одной стороны, промысловая кооперация выглядела как важный финансовый ресурс, основанный на самой сути системы, то есть на эффективности осваивания государственных ресурсов, единственным недостатком которой была необходимость закрывать глаза на «отдельные недоработки» в деятельности промысловиков, которые эту эффективность и обеспечивали. С другой стороны, уже по факту состоявшаяся экспроприация финансов кооперативной системы делала неминуемой реальную национализацию системы. Без этого уже было невозможно даже играть в хранителя кооперативных финансов.

Процесс обоснования необходимости ликвидации системы начался сразу же, но в итоге, несмотря на агрессивность риторики, дальше кампании по укрупнению артелей не пошел. По мнению челябинского историка Андрея Пасса, причиной этого оказалась борьба за власть после смерти Сталина, на время которой о пропавших миллиардах банально забыли.

Первый этап национализации прошёл лишь в 1956 году. 14 апреля вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промысловой кооперации», которое продублировал Совмин РСФСР. В нем говорилось, что «многие предприятия промкооперации <...> по существу не отличаются от предприятий государственной промышленности», что делает их существование бессмысленным. Промсоветам на местах предлагалось самостоятельно выбрать промартели, подлежащие национализации фактически по критерию размера, что и было сделано: в результате в РСФСР из 8017 было национализировано 2428 артелей, а в Белоруссии из 731 артели 531¹⁵, причем практически без ожидаемого сопротивления, хотя постановление

¹⁵ Всего по СССР из 12,6 тысяч артелей осталось 8 тысяч, а объемы производства системы промкооперации снизились с 62 до 40 миллиардов рублей.

предусматривало получение обязательного согласия общих членов ликвидируемых артелей. Причина этого была простой: постановление не лукавило, в системе действительно существовало множество артелей, которые отличались от предприятий местной промышленности только вывеской.

В этой связи показательны архивы партийных собраний артелей. Например, на первом общем партийном собрании крупной артели «Пищевик» в начале 1956 года обсуждались директивы XX Съезда КПСС, для чего был приглашен представитель городского комитета партии [ГАНИ, ф. 1399, оп. 3]. Речь шла о кооперативном плане, но участники артели не понимали, что такое кооперирование. Докладчику пришлось «дать исчерпывающий ответ». В ответ артельщики пообещали выполнить досрочно пятилетний план, «что явилось вкладом нашим во всенародное дело». Кооперация была понята как синоним выполнения пятилетнего плана.

Через полгода на очередном, шестом, партийном собрании [там же, оп. 4] обсуждался вопрос «О реорганизации артели «Пищевик» в государственное предприятие «Горпищескомбинат». Вопрос реорганизации прошел безо всяких эксцессов: «Это решение правильное и своевременное, мы его должны одобрить и передать наши цеха в госпромышленность, а торговые точки в госторговлю». Единственным вопросом «кооператоров» был лишь вопрос выплаты выходного пособия тем формальным артельщикам, «которых не устраивает предоставляемая им работа».

Немаловажную роль играло и то, что предложения по передаче артелей государству готовили промсоветы на местах, которые могли выбирать из имеющихся артелей подходящих «жертв» с сугубо декоративной природой. Подобная декоративность была присуща артелям, созданным в конце 20-х годов на волне массовой передачи государством системе уже существующих фабрик, что было необходимо для успеха кампании кооперирования кустарей-частников, для которых в существующих артелях не было мест.

С точки зрения кооперативных финансов основная суть постановления заключалась в другом — оно упраздняло Центрпромсовет (ЦПС), а все руководство системой возлагало на Советы Министров союзных республик и республиканские

Советы промысловой кооперации. Это решение позволило безболезненно национализировать ФДК ЦПС, а задолженность самого фонда значительно снизить, списав ее у тех крупных артелей, которые были переданы в госпромышленность. При этом от взносов в ФДК оставшиеся промсоветы никто не освобождал. Таким образом, постановление убрало значительную часть проблемы «пропавших» кооперативных денег и фактически ввело новый «оброк» в виде взносов в ФДК, в обмен на которые уже не подразумевалась какая-либо помощь. В случае Роспромсовета речь шла о 100 миллионах рублей в год.

Подобная схема, реализованная государством, подорвала систему кооперативного страхования, что заставило Роспромстраховсовет увеличить соответствующие отчисления с 9 до 23,5%, но именно это и позволило системе пролонгировать свое существование — продолжение национализации потребовало бы от государства взять на себя обязательства по страхованию.

Результатом прямого натиска стало улучшение эффективности работы всей системы. Годовой план за 1956 год был выполнен на 110%, значительно выросло количество мастерских, но, самое главное, — в системе появились излишки оборотных средств и выросли накопления. Подобный парадокс в немногочисленных работах по теме принято объяснять влиянием рыночных механизмов, обеспечивающих высокую витальность промкооперации, позволяющей артельщикам раскрывать свой потенциал.

Нам видится более простое объяснение: национализация 1956 года освободила промкооперацию силами самой системы от «лжекооперативов», работающих не по внутренним негласным правилам, а исключительно в логике государственной промышленности. Вместе с ликвидацией таких эрзац-артелей резко уменьшилась перекачка ресурсов из «реальных» кооперативов, что позволило системе более полно и успешно реализовывать свои действительные промысловые практики: скорее ресурсные, нежели рыночные.

Архивные данные и статьи журнала «Промысловая кооперация», издаваемого с 1955 года, показывают, что именно на период с 1956 по 1960 год пришелся истинный расцвет реальных промысловых практик внутри промкооперации.

«С рук сходила» и работа без квитанций, и пересортица, и занятие вовсе не планом, а делом, и финансовая самостоятельность в разумных пределах, так как система, несмотря на частичное игнорирование плана, в целом демонстрировала крайне высокие финансовые результаты, причем в значительной мере учтенные и оприходованные в силу тех правил игры, которые были установлены.

Во-первых, важную роль играли те 20% от доходной части после налогообложения, которыми артель могла распоряжаться самостоятельно, распределяя между членами. Занижение доходов приводило бы к необходимости идти на серьезное нарушение — платить работникам «вчерную». Во-вторых, финансовые результаты напрямую коррелировали со снабжением сырьем, без которого невозможен был реальный промысел, и с вложениями в производство, которые можно было сделать официально только из прибыли. В-третьих, далеко не все руководители артелей разделяли, как писал журнал «Промысловая кооперация» в 1956 году, «упаднические настроения», и не верили в скорую национализацию их фондов.

По итогам 1956 года у урезанной системы промкооперации накопился рекордный излишек ФДК — 1,2 миллиарда рублей. Исходя из этой цифры несложно прикинуть объем той части средств, которыми артели распоряжались самостоятельно, — около 5 миллиардов рублей. Даже для государственного бюджета это были гигантские средства. И государство вновь ими воспользовалось, на этот раз направив в госзайм, о чем самим кооператорам не сообщили.

Как пишет Павел Назаров, о том, что никаких собственных средств у промкооперации больше нет, кооператоры узнали лишь в 1958 году, когда об этом на собрании Роспромсовета объявило руководство Сельхозбанка [Назаров, 1991]. Минфин сработал втихаря: средства были попросту изъяты ведомством при ликвидации Торгбанка, где они традиционно хранились. При этом изъятыми оказались не только очередные 1,2 миллиарда ФДК, но и все накопления страховой системы, то есть ещё 2,2 миллиарда рублей. Зверьеву, который все эти годы выступал за скорейшую ликвидацию промкооперации, удалось взять реванш за неудачу. Микоян, который ввиду политической конъюнктуры уже не защищал промысловиков, не помог.

Более того, он сыграл важнейшую роль в окончательном свертывании системы.

Зверьев поспешил закрепить успех, достав свои проекты постановлений 1955 года по ликвидации системы промкооперации вкупе с некооперированными кустарями, которые направил в ЦК КПСС и СМ РСФСР вместе с пояснительной запиской, где обосновывал необходимость демонтажа системы ее органическими достоинствами: получением сверхприбылей, работой на государственных фондах и так далее. Минфин тут же получил отпор от главы Роспромсовета А. П. Заговельева, заручившегося поддержкой Госплана. В результате и ЦК, и Совмин отказали Минфину. По-видимому, такая позиция была обусловлена не только энергией Заговельева, но и политическим фактором: перед Совмином стояла задача улучшения бытового обслуживания населения, соответствующие проекты надо было демонстрировать на XXI Съезде. Кооперация для этих целей подходила идеально, позволяя снять с себя лишнюю ответственность и ограничиться исключительно организационными мерами.

Именно такие меры содержатся в постановлении от 6 марта 1959 года «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения», которые разрешали артелям заниматься покупками в розницу и брать кредиты. Остальное отдавалось на откуп самим артельщикам, обременяемым новыми планами. На этом фоне предложения Зверьева выглядят явно несвоевременными — в случае ликвидации промкооперации «бытовую» задачу пришлось бы решать централизованно.

Новые ресурсы, предоставленные промкооперации, начали эффективно осваиваться, что привело к появлению очередного вала критики в отношении артелей, воспользовавшихся новыми возможностями не так, как ожидалось. Допуск к рознице привел к появлению «спекулятивных лавок», кредитование — к «расходуванию денег на нужды колхозов» и так далее. В результате всего за три месяца 1959 года прибыль артелей выросла в некоторых регионах более, чем в 1,5 раза, а объемом кооперативных услуг в целом по стране увеличился к концу 1958 года с 8,56 до 14,5 тыс. рублей.

В этой связи показательно, что в 1958 году были также внесены изменения в правила регистрации некооперирован-

ных кустарей и ремесленников, несколько снижающие степень ответственности за занятие бытовыми промыслами¹⁶. В «Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1958 года [Закон СССР от 25.12.1958], которые легли в основу нового Уголовного кодекса 1960 года, активно использовалось понятие «промысл» в его исконном, а не «кооперированном», понимании [Твердюкова, 2010]. Например, «изготовление или сбыт в виде промысла» (ст. 159. Подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов, «действия, совершенные в виде промысла, либо организованной группой», ст. 87. Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг), «Деяния, совершённые в виде промысла или в крупных размерах» (ст. 208. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) [УК РСФСР от 27.10.1960]. Подобное употребление сохранялось затем более 20 лет, практически до начала перестройки, когда из набора политического инструментария вновь была добыта кооперация.

Успехи, которые в очередной раз выразились в резком росте накоплений системы в государственном банке, опять обернулись неприятностями, на этот раз летальными для системы. Ликвидация промкооперации состоялась обыденно — 20 июля постановление ЦК КПСС и СМ СССР предписало передать все кооперативные предприятия в ведение государственных органов, а Роспромсовет ликвидировать.

Из интервью, собранных Назаровым, можно сделать вывод, что постоянная «возня» с обоснованием очередной волны национализации кооперативных денег и кулуарные договоренности о невмешательстве и допущении «отдельных недостатков», попросту надоели высокому руководству. Когда на очередном закрытом совещании зашла речь про промартели, слово взял Микоян и устало предложил: «А давайте совсем их ликвидируем». Все согласились.

Для кооператоров это было полной неожиданностью: всего за несколько дней до ликвидации председатель Госплана приглашал главу Роспромсовета на заседание комиссии

¹⁶ Что привело в 1959 году к резкому росту выборки патентов — в этом году кустарями числилось 150 тысяч человек, то есть наибольшее количество за все время существования СССР.

по разработке «Перспектив развития экономики и культуры РСФСР», журнал «Промысловая кооперация» в очередной раз разъяснял, что ликвидация системы — это слухи и так далее.

Ликвидация, впрочем, растянулась. Для большинства обычных артелей до конца осени, а для некоторых инвалидов, ведущих свою историю еще со времен подчинения Минсобесу, и на несколько лет. Основной причиной этого было длительное непринятие Роспромсоветом постановления о ликвидации — оно было принято лишь 27 сентября 1960 года и тут же подтверждено в республиках и областях решениями областных исполкомов, а затем и правлений областных советов промысловой кооперации. При этом механизмы передачи наследовались из первого этапа национализации: демонтаж системы происходил в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 14 апреля 1956 года с небольшими дополнениями наподобие обязательств перечислить обществу «Спартак» 1,5% прибыли и изъятия экономии, образовавшейся после ликвидации системы кооперативного страхования (ставки в гос. промышленности были ниже). Про выплату паёв и прочих кооперативный «декор» речи уже не шло. Единственное, на что могли рассчитывать бывшие артельщики, — это на сохранение пенсии, которую выплачивал им Роспромстрахсовет в том же объеме, и на обязательство обеспечить их рабочими местами в гос. промышленности [ГАНИ, ф. 3041, оп. 1, д. 277, л. 150].

В худшем положении находились некооперированные кустари, традиционно работавшие по «патенту», сущность которого полностью повторяла промысловое обложение времен XIX века. Таковых к этому времени было уже более 150 тысяч. Им от государства не полагалось ничего, вдобавок они лишались и важного источника сырья и прикрытия, которым для многих из них были артели. Вне закона подобные промысловики оказались сразу же после 20 июля.

В результате ликвидации государству досталось несколько очередных кооперативных миллиардов, а также развитая артельная инфраструктура, но не достались практики эффективного освоения ресурсов, которыми и славилась система промкооперации. Эти практики окончательно стали «теневыми», сыграв немаловажную роль в становлении и развитии феномена цеховиков.

Литература

1. Анисимова, Е. Ю., Шабалина, Л. П. Кустарные промыслы Симбирско-Ульяновского Поволжья. Ульяновск: Типография УлГТУ, 2004.
2. Балахонова, И. Н. Осуществление партийно-государственной политики в промысловой кооперации Горьковской области в 1917–1960 гг. : автореф. дис. канд. истор. наук : 07.00.02. Нижний Новгород, 2009.
3. Вакуров, В. Н. Из истории терминологии рыбного промысла в русском языке (на материале деловых памятников XIV–XVI вв.) // Вопросы истории русского языка. 1959. С. 3–20.
4. Государственный архив новейшей истории (ГАНИ) Ульяновской области. Ф. 2272. Оп. 1. Д. 1.
5. Государственный архив новейшей истории (ГАНИ) Ульяновской области. Ф. 2272. Оп. 1. Д. 1.
6. Государственный архив новейшей истории (ГАНИ) Ульяновской области. Ф. 2966. Оп. 13, 14, 15.
7. Государственный архив новейшей истории (ГАНИ) Ульяновской области. Ф. 3041. Оп. 1. Д. 242.
8. Государственный архив новейшей истории (ГАНИ) Ульяновской области. Ф. 3041. Оп. 1. Д. 277. Л. 150.
9. Государственный архив новейшей истории (ГАНИ) Ульяновской области. Ф. 338. Оп. 12, 13, 14, 15.
10. Государственный архив новейшей истории (ГАНИ) Ульяновской области. Ф. 5070. Оп. 1.
11. Государственный архив новейшей истории (ГАНИ) Ульяновской области. Ф. 5277. Оп. 3.
12. Давыдов, А. Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа: между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб.: Алетейя, 2011.
13. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. СПб.–М.: Типография М. О. Вольфа, 1882.
14. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (Совнарком) РСФСР от 07.07.1921. О промысловой кооперации // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР, М., 1944. С. 583–585.
15. Дьяченко, В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука, 1978.
16. Живов, В. М. Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Издательский дом «ЯСК», 2009.
17. Закон СССР от 25.12.1958 об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6. [Первоначальная редакция]
18. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. СПб.: Наука, 1987.
19. Кашаева, Ю. А. Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880-х–1914 г.) : автореф. дис. канд. истор. наук : 07.00.02. Пермь, 2007.
20. Лактюнкина, Т. Э. Кустарно-ремесленное производство и промыслы на Южном Урале в конце XIX — начале XX веков : автореф. дис. канд. истор. наук : 07.00.02. Оренбург, 2003.

21. Ленин, В.И. Полное собрание соч., 5-е изд., Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1970.
22. Ленин, В.И. Полное собрание соч., 5-е изд., Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1970.
23. Лукьяновская, А.С. История кооперации в России // Молодой ученый. 2016. №8-1. С. 38–41.
24. Лёвин, С.В. Организация государственной статистики в Российской Империи в XIX веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2–2. С. 116–120.
25. Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х тт. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2015.
26. Назаров, П.Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 : автореф. дис. канд. истор. наук : 07.00.01. М., 1991.
27. «Наказ» Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1766–1767. РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.15. Л.3–6. [Электронный ресурс] <<https://www.prilib.ru/item/797541>> [Дата обращения] 17.11.2025.
28. Новиков, Е.А. К вопросу об историографии кустарной промышленности в России // Вестник Костромского гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 3. С. 56–58.
29. Об изменении порядка обложения подоходным налогом некооперированных кустарей и ремесленников // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. М., 1936.
30. Осипов, В.А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (На материалах Западной Сибири) : автореф. дис. канд. истор. наук : 07.00.02. Кемерово, 2002.
31. Осипов, В.А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. / Кузбасский гос. техн. ун-т. Кемерово: [б. и.], 2003.
32. Пасс, А.А., Рыжий, П.А. Огосударствление промысловой кооперации СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5 (37). С. 114–122.
33. Пасс, А.А. Советская промысловая кооперация 1950-х гг.: историография проблемы // Социум и власть. 2014. № 3 (47). С. 120–124.
34. Плетнева, А.А., Кравецкий, А.Г. Служба, промысел, работа: к истории слов и понятий // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живова. М.: Изд-во «Языки славянский культур», 2009. С. 102–200.
35. Положение о подоходном налоге с предприятий обобщественного сектора // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. М., 1930. С. 865–867.
36. Постановление ЦИК СССР № 94, СНК СССР № 1055 от 17.05.1934 «Об утверждении Положения о подоходном налоге с частных лиц (в новой редакции)» // Вестник ЦИК, СНК и СТО. 1934.
37. Петрушев, А. Неотложные задачи советской промысловой кооперации // Промысловая кооперация. 1955. № 1. С. 12.
38. Ремесленники и ремесленное управление в России. Петроград: Издание Министерства торговли и промышленности, 1916.

39. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 3: Акты земских соборов. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1985.
40. Сафонов, М.М. Протоколы Негласного комитета // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. №7. С. 191–209.
41. Сидорова, Ю.А. Полное огосударствление промысловой кооперации СССР и изменение её существенных качеств // Омский научный вестник. 2008. № 6 (74). С. 22–25.
42. Сидорова, Ю.А. Отечественная промысловая кооперация в контексте социалистического преобразования общественного хозяйства (1920–е годы): проекты и реальность : дис. канд. истор. наук : 07.00.02. Орехово-Зуево, 2011.
43. Соборное уложение 1649 года: Учеб. пособие для высш. школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.
44. Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. М.: Типография Семена Селивановского, 1820.
45. Срезневский, И. Материалы для словаря древнерусского языка, СПб.: Императорская академия наук, 1893.
46. Твердюкова, Е.Д. Государственное регулирование частнопредпринимательской деятельности в СССР (с середины 1940-х до середины 1950-х) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политех. ун-та. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 1 (105). С. 198–205.
47. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960).
48. Уманский, Ф. С. Эволюция промыслового налога в России в XIX–XX столетиях, диссертация : дис. канд. эконом. наук : 08.00.01. М., 2005.
49. Хемницер, И.И. Сочинения. Издание второе. СПб.: Издание Суворина, 1886.
50. Шабалина, Л.П. Народные промыслы в Симбирской губернии // Из этнической истории Ульяновской области (Краткие очерки). Сборник / Сост. В. Н. Егоров. Ульяновск: Областное газетное изд-во, 1993. С.43–47.

Simon Kordonsky, Alexander Pavlov

History of the Creation and Dismantling of Producers' Co-operative Society in the USSR

Simon G. Kordonsky, DSc in Philosophy, Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-8905-3840

Email: kordonsky@hse.ru

Alexander B. Pavlov, researcher on his own, Ulyanovsk, Russia.

Email: alexandr@asustem.ru

Abstract

On the basis of archival sources this study analyzes the features of the organization, functioning, causes and consequences of the liquidation of co-operative artels in the Soviet producers' co-operative society.

The authors come to the conclusion that the institutionalization of producers' co-operative society activities was based on deep social practices for the efficient resource development that had evolved outside state regulation, and their dismantlement did not occur during the liquidation of producers' co-operative system.

Keywords: industries, producers' co-operative society, history of cooperation

For citation: Kordonskij, S. G., Pavlov, A. B. (2026). Ob istorii sozdaniya i demontazha promyslovoj kooperatsii v SSSR [History of the Creation and Dismantling of Producers' Co-operative Society in the USSR]. *Sotsiologiya zaboty* [Russian Sociology of Care]. Vol. 1. No. 1. P. 19–54. (In Russ.)

References

1. Anisimova, E. Yu., Shabalina, L. P. (2004). *Kustarnye promysly Simbirsko-Ulyanovskogo Povolzh'ya* [Handicrafts of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga Region]. Ulyanovsk: Tipografiya UlGTU. (In Russ.)
2. Balakhonova, I. N. (2009). *Osushchestvlenie partijno-gosudarstvennoj politiki v promyslovoj kooperatsii Gorkovskoj oblasti v 1917–1960 gg.* [Implementation

- of Party-State Policy in Artisanal Cooperatives of Gorky Oblast, 1917–1960]. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
3. D'yachenko, V. P. (1978). *Istoriya finansov SSSR (1917–1950 gg.)* [History of USSR Finances (1917–1950)]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Dal', V. I. (1882). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 4 vols. St. Petersburg–Moscow: Tipografiya M. O. Vol'fa. (In Russ.)
5. Davydov, A. Yu. (2011). *Kooperatory sovetского goroda v gody nepa: mezhdru «voennym kommunizmom» i sotsialisticheskoy rekonstruktsiej* [Cooperators of the Soviet City during the NEP: Between “War Communism” and Socialist Reconstruction]. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
6. Dekret Vserossijskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta (VTsIK) i Soveta Narodnykh Komissarov (Sovnarkom) RSFSR. (1921). O promyslovoj kooperatsii [On Artisanal Cooperation]. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g.* [Collection of Enactments and Government Orders for 1921]. P. 583–585. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1944. (In Russ.)
7. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (GANI) Ul'yanovskoj oblasti. f. 2272, op. 1, d. 1. (In Russ.)
8. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (GANI) Ul'yanovskoj oblasti. f. 2272, op. 1, d. 1. (In Russ.)
9. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (GANI) Ul'yanovskoj oblasti. f. 2966, op. 13–15. (In Russ.)
10. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (GANI) Ul'yanovskoj oblasti. f. 3041, op. 1, d. 242. (In Russ.)
11. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (GANI) Ul'yanovskoj oblasti. f. 3041, op. 1, d. 277, l. 150. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (GANI) Ul'yanovskoj oblasti. f. 338, op. 12–15. (In Russ.)
13. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (GANI) Ul'yanovskoj oblasti. f. 5070, op. 1. (In Russ.)
14. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (GANI) Ul'yanovskoj oblasti. f. 5277, op. 3. (In Russ.)
15. Karamzin, N. M. (1987). *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
16. Kashaeva, Yu. A. (2007). *Kustarnye promysly Permskoj gubernii (konec 1880–kh–1914 g.)* [Handicraft Industries of Perm Governorate (Late 1880s–1914)]. Perm. (In Russ.)
17. Khemnitsers, I. I. (1886). *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. St. Petersburg: Izdanie Suvorina. (In Russ.)
18. Laktiunkina, T. E. (2003). *Kustarno-remeslennoe proizvodstvo i promysly na Yuzhnom Urale v kontse XIX–nachale XX vekov* [Handicraft Production and Trades in the Southern Urals in the Late 19th–Early 20th Centuries]. Orenburg. (In Russ.)
19. Lenin, V. I. (1970a). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)
20. Lenin, V. I. (1970b). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)

21. Luk'yanovskaya, A. S. (2016). Istoriya kooperatsii v Rossii [History of Cooperation in Russia]. *Molodoy uchenyj* [Young Scientist]. Vol. 8. No. 1. P. 38–41. (In Russ.)
22. Lyovin, S. V. (2012). Organizatsiya gosudarstvennoj statistiki v Rossijskoj Imperii v XIX veke [Organization of State Statistics in the Russian Empire in the 19th Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural and Art Studies: Issues of Theory and Practice]. Vol. 2. No. 2. P. 116–120. (In Russ.)
23. Mironov, B. N. (2015). *Rossijskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. 3 vols. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.)
24. “Nakaz” Ekateriny II Komissii o sostavlenii proekta novogo Ulozheniya. (1766–1767). [“Instruction” of Catherine II to the Commission for Drafting a New Code of Laws]. RGADA. f. 10, op. 1, d. 15, ll. 3–6. Russian State Archive of Ancient Acts. Available at: <https://www.prilib.ru/item/797541> (accessed November 17, 2025). (In Russ.)
25. Nazarov, P. G. (1991). *Promyslovaya kooperatsiya RSFSR i ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva. 1950–1960* [Artisanal Cooperatives of the RSFSR and the Economic Policy of the Soviet State, 1950–1960]. Moscow. (In Russ.)
26. Novikov, E. A. (2017). K voprosu ob istoriografii kustarnoj promyshlennosti v Rossii [On the Historiography of the Handicraft Industry in Russia]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. Vol. 23. No. 3. P. 56–58. (In Russ.)
27. Ob izmenenii poryadka oblozheniya podokhodnym nalogom nekooperirovannykh kustarej i remeslennikov. (1936). [On Changing the Procedure for Imposing Income Tax on Non-Cooperative Artisans and Craftsmen]. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1936 g.* [Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1936]. Moscow. (In Russ.)
28. Osipov, V. A. (2002). *Chastnaya khozyajstvennaya deyatel'nost' v sovetskoj ekonomike v 1945–1960 gg. (Na materialakh Zapadnoj Sibiri)* [Private Economic Activity in the Soviet Economy, 1945–1960 (Based on Materials from Western Siberia)]. Kemerovo. (In Russ.)
29. Osipov, V. A. (2003). *Chastnaya khozyajstvennaya deyatel'nost' v sovetskoj ekonomike v 1945–1960 gg.* [Private Economic Activity in the Soviet Economy, 1945–1960]. Kemerovo: Kuzbasskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet. (In Russ.)
30. Pass, A. A. (2014). Sovetskaya promyslovaya kooperatsiya 1950–kh gg.: istoriografiya problemy [Soviet Artisanal Cooperatives of the 1950s: Historiography of the Problem]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. Vol. 3. No. 47. P. 120–124. (In Russ.)
31. Pass, A. A., Ryzhij, P. A. (2012). Ogosudarstvlenie promyslovoj kooperatsii SSSR vo vtoroj polovine 1950–kh gg.: prichiny i posledstviya [Nationalization of Artisanal Cooperatives in the USSR in the Second Half of the 1950s: Causes and Consequences]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. Vol. 5. No. 37. P. 114–122. (In Russ.)

32. Petrušev, A. (1955). Neotložhnye zadachi sovetskoj promyslovoj kooperatsii [Urgent Tasks of Soviet Artisanal Cooperatives]. *Promyslovaya kooperatsiya* [Artisanal Cooperation]. Vol. 1. P. 12. (In Russ.)
33. Pletneva, A.A., Kravetskij, A.G. (2009). Sluzhba, promysel, rabota: k istorii slov i ponyatij [Service, Trade, Work: Toward the History of Words and Concepts]. In *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on the Historical Semantics of the Russian Language in the Early Modern Period], edited by V.M. Zhivov. P. 102–200. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)
34. Polozhenie o podokhodnom naloge s predpriyatij obobshchestvlenogo sektora. (1930). [Regulations on Income Tax for Enterprises of the Socialized Sector]. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1930 god* [Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1930]. P. 865–867. Moscow. (In Russ.)
35. Postanovlenie TsIK SSSR No. 94, SNK SSSR No. 1055. (1934). Ob utverzhdenii Polozheniya o podokhodnom naloge s chastnykh lits (v novoj redaktsii) [On Approval of the Regulation on Income Tax for Private Individuals (New Edition)]. *Vestnik TsIK, SNK i STO* [Bulletin of the CEC, Sovnarkom, and Council of Labor and Defense]. (In Russ.)
36. Remeslenniki i remeslennoe upravlenie v Rossii. (1916). [Artisans and Artisanal Administration in Russia]. Petrograd: Izdanie Ministerstva trgovli i promyshlennosti. (In Russ.)
37. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. (1985). Vol. 3. Akty zemskikh soborov [Acts of the Zemsky Sobors]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)
38. Safonov, M. M. (1976). Protokoly Neglasnogo komiteta [Minutes of the Unofficial Committee]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Vol. 7. P. 191–209. (In Russ.)
39. Shabalina, L. P. (1993). Narodnye promysly v Simbirskoj gubernii [Folk Crafts in Simbirsk Governorate]. In *Iz etnicheskoy istorii Ul'yanovskoj oblasti (Kratkie ocherki)* [From the Ethnic History of Ulyanovsk Region (Brief Essays)], compiled by V. N. Egorov. P. 43–47. Ulyanovsk: Oblastnoe gazetnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
40. Sidorenko, Yu. A. (2008). Polnoe ogosudarstvlenie promyslovoj kooperatsii SSSR i izmenenie ee sushchnostnykh kachestv [Full Nationalization of Artisanal Cooperatives in the USSR and the Transformation of Their Essential Qualities]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. Vol. 6. No. 74. P. 22–25. (In Russ.)
41. Sidorenko, Yu. A. (2011). Otechestvennaya promyslovaya kooperatsiya v kontekste sotsialisticheskogo preobrazovaniya obshchestvennogo khozyajstva (1920-e gody): proekty i real'nost' [Domestic Artisanal Cooperatives in the Context of Socialist Transformation of the National Economy (1920s): Projects and Reality]. Orekhovo-Zuevo. (In Russ.)
42. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda*. (1961). [Statute Code of 1649]. Edited by M. N. Tikhomirov, P. P. Epifanov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
43. *Sofijskij vremennik, ili Russkaya letopis' s 862 po 1534 god*. (1820). [Sophia Chronicle, or Russian Chronicle from 862 to 1534]. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo. (In Russ.)

44. Sreznevskij, I. (1893). *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language]. St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk. (In Russ.)
45. Tverdyukova, E.D. (2010). Gosudarstvennoe regulirovanie chastnopredprinimatel'skoj deyatel'nosti v SSSR (s serediny 1940-kh do serediny 1950-kh) [State Regulation of Private Entrepreneurial Activity in the USSR (Mid-1940^s to Mid-1950s)]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnical University. Humanities and Social Sciences]. Vol. 1. No. 105. P. 198–205. (In Russ.)
46. *Ugolovnyj kodeks RSFSR*. (1960). [Criminal Code of the RSFSR]. Approved by the Supreme Soviet of the RSFSR, October 27. (In Russ.)
47. Umanskij, F. S. (2005). *Evoljutsiya promyslovogo naloga v Rossii v XIX–XX stoletiyakh* [The Evolution of the Artisanal Tax in Russia in the 19th–20th Centuries]. Moscow: Institut ekonomiki RAN. (In Russ.)
48. Vakurov, V.N. (1959). Iz istorii terminologii rybnogo promysla v russkom yazyke (na materiale delovykh pamyatnikov XIV–XVI vv.) [On the History of Fishing Industry Terminology in the Russian Language (Based on Business Documents of the 14th–16th Centuries)]. *Voprosy istorii russkogo yazyka* [Questions of the History of the Russian Language]. P. 3–20. (In Russ.)
49. *Zakon SSSR*. (1958). Ob utverzhdenii Osnov ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik [On the Approval of the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and Union Republics]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. Vol. 1. No. 1. Art. 6. (In Russ.)
50. Zhivov, V.M. (2009). *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on the Historical Semantics of the Russian Language in the Early Modern Period]. Moscow: YASK. (In Russ.)